

ЕВРАЗИЙСКОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПОИСК НОВОЙ МАКРОИДЕНТИЧНОСТИ

Апсаматова Э.Дж., Бишкек (Кыргызская Республика)

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования новой макроидентичности в евразийском регионе в контексте геополитических изменений и интеграционных процессов. Автор анализирует исторические, культурные и цивилизационные предпосылки для возникновения идеи евразийства и ее современные интерпретации. Особое внимание уделяется роли России как ключевого игрока в формировании евразийского пространства и попыткам создания наднациональной идентичности в рамках интеграционных объединений: ЕАЭС, ОДКБ и др. Рассматриваются различные подходы к определению евразийской идентичности, ее культурные, экономические и геополитические аспекты. Автор анализирует вызовы и препятствия на пути к утверждению евразийской макроидентичности, такие как конкуренция национальных нарративов, переосмысление постсоветского прошлого, влияние западных и восточных культурных трендов. Исследуются возможные сценарии развития евразийского проекта и перспективы гармонизации национальных и цивилизационных идентичностей в рамках единого макрорегиона. В статье делается вывод о необходимости дальнейшего осмысления и конструирования евразийской идентичности на основе общего историко-культурного кода и поиска баланса между интеграционными устремлениями и сохранением национального своеобразия.

Ключевые слова: идентичность, евразийское пространство, геополитическое пространство, макроидентичность, национальная идентичность, цивилизационная идентичность, постсоветское пространство, межкультурный диалог

EURASIAN GEOPOLITICAL SPACE AND THE SEARCH FOR A NEW MACRO- IDENTITY

Apsamatova E.J., Bishkek (Kyrgyz Republic)

Abstract. The article examines the problem of forming a new macro-identity in the Eurasian region in the context of geopolitical changes and integration processes. The author analyzes the historical, cultural and civilizational prerequisites for the emergence of the idea of Eurasianism and its modern interpretations. Particular attention is paid to the role of Russia as a key player in the formation of the Eurasian space and attempts to create a supranational identity within the framework of integration associations: the EAEU, the CSTO, etc. Various approaches to defining the Eurasian identity, its cultural, economic and geopolitical aspects are considered. The author analyzes the challenges and obstacles to the establishment of a Eurasian macro-identity,

such as competition between national narratives, rethinking of the post-Soviet past, and the influence of Western and Eastern cultural trends. Possible scenarios for the development of the Eurasian project and prospects for the harmonization of national and civilizational identities within a single macroregion are explored. The article concludes that there is a need for further understanding and construction of Eurasian identity on the basis of a common historical and cultural code and the search for a balance between integration aspirations and the preservation of national identity.

Keywords: *identity, Eurasian space, geopolitical space, macro-identity, national identity, civilizational identity, post-Soviet space, intercivilizational dialogue*

Распад СССР привел к масштабным геополитическим изменениям на евразийском пространстве. Появление новых независимых государств вызвало целый ряд последствий: во-первых, стремление новых акторов позиционировать себя на международной арене, определить внешнеполитические ориентиры и приоритеты. Во-вторых, активизация интеграционных процессов, таких как создание СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и других объединений для сохранения связей между бывшими республиками. В-третьих, одновременно шли и дезинтеграционные процессы, когда некоторые страны стремились дистанцироваться от России и ориентироваться на Запад. В-четвертых, культурные, языковые, религиозные связи стали основой для формирования новых геополитических альянсов и коалиций. В-пятых, борьба за влияние на этом пространстве между Россией, Западом, Турцией, Китаем и другими игроками. В-шестых, обострение замороженных конфликтов и появление новых очагов нестабильности.

Безусловно, эти процессы продолжают и по сей день, определяя динамику развития ситуации в Евразии. Геополитическая картина здесь остается весьма турбулентной и непредсказуемой. Следовательно, осмысление евразийского геополитического пространства и возможной макроидентичности является актуальной проблемой, имеющей серьезные политические, экономические и культурные последствия.

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство новых независимых государств не стремились к полному разрыву связей с остальным постсоветским пространством. На это были следующие основные причины: во-первых, необходимость плавного и постепенного перехода к независимости, чтобы минимизировать экономические и социальные потрясения. Слишком резкий разрыв мог обернуться катастрофой. Во-вторых, сохранение хозяйственных, транспортных, энергетических связей между республиками бывшего СССР

было жизненно важно для их экономик на первых порах. В-третьих, осознание общности культурно-цивилизационного кода, понимание принадлежности к единому евразийскому геополитическому пространству. И, в-четвертых, потребность в формировании новой наднациональной идентичности взамен утраченной общесоветской идентичности.

Все это отразилось на так называемом экзистенциальном запросе постсоветских народов на новую макроидентичность, новую «большую общность», частью которой они могли бы ощущать себя. Отсюда стремление сохранить интеграционные связи в рамках СНГ, ЕврАзЭС и других объединений. Этот глобальный поиск новых форм евразийской интеграции и цивилизационной общности продолжается до сих пор [1]. И здесь многое будет зависеть от того, сможет ли Россия предложить привлекательный интеграционный проект.

Нужно особо подчеркнуть существенное цивилизационное различие между постсоветскими странами, которое не позволяло им автоматически ассоциировать себя с каким-либо одним из традиционных макрорегионов – Европой или Азией. Если для стран Балтии был относительно прямой путь возвращения в лоно европейской цивилизации и интеграции в ЕС и НАТО, то для России, стран Центральной Азии и некоторых других ситуация была принципиально иной. Их культурно-цивилизационный код изначально находился на стыке европейских и азиатских традиций, представляя собой уникальный евразийский синтез.

В этих условиях возрождение и реинтерпретация идей евразийства, развивавшихся еще философами-эмигрантами в 1920-х годах, стали логичным ответом на поиск новой макроидентичности. Евразийская интеграция выделась оптимальной моделью межгосударственного объединения для этого нового геополитического пространства. ЕАЭС и связанные с ним структуры (ОДКБ, Союзное государство с Беларусией и др.) стали институциональным воплощением евразийской интеграционной концепции. Насколько она будет успешной – покажет время, но ее обоснованность в культурно-цивилизационном плане очевидна.

Так, тема евразийской макроидентичности и интеграционных процессов на постсоветском пространстве является предметом пристального внимания многих исследователей. И здесь можно выделить несколько ключевых направлений:

1. Классические работы основоположников евразийства – Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и др. [12; 3, с. 11–12; 7, с. 38–52; 14, с. 85–93; 13, с. 42–45], заложивших философские и историософские основы данной концепции.

2. Переосмысление и развитие евразийских идей в трудах современных мыслителей, таких как А.Г. Дугин, А.С. Панарин и других авторов [9].

3. Работы, посвященные исследованию цивилизационной общности стран Евразийского региона через призму истории их государственного строительства. Здесь особо выделяются труды Л.Н. Гумилева [4, с. 24], осмысляющего евразийскую общность через концепцию «суперэт-носа».

4. Исследования, сконцентрированные на изучении современных интеграционных процессов на евразийском пространстве – анализ деятельности ЕАЭС, ОДКБ, перспектив расширения интеграции и т.д.

Следует отметить, что в этих направлениях особый акцент делается на исторических особенностях государственности России, стран Центральной Азии и других стран региона, выявлении общих черт, позволяющих говорить об их цивилизационной общности. Эти наработки создают концептуальную базу для развития евразийской интеграции.

Также можно выделить еще одну важную группу исследований [11, с. 189–196; 6, с. 87–94; 10, с. 148–158], касающихся евразийской интеграции. Это работы, рассматривающие ЕАЭС преимущественно как экономический интеграционный проект, своеобразный общий рынок для взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества стран-участниц. Сторонники такого подхода склонны минимизировать политическое и идеологическое измерение евразийства. Для них ЕАЭС – это в первую очередь прагматический экономический союз, призванный облегчить взаимную торговлю, создать преференциальные условия для бизнеса, способствовать экономической кооперации.

Такие исследователи подчеркивают, что интеграция в рамках ЕАЭС имеет строго функциональный, утилитарный характер. Ее цель – получение взаимных экономических выгод для стран-участниц. А любые идеологические наслоения в виде евразийской риторики или геополитических амбиций рассматриваются как нечто второстепенное, не имеющее прямого отношения к реальной деятельности Союза. «Мы хотим минимизировать экономические и социальные последствия разрушения Союза... но не нужно возрождать империю, которая денационализировала республики, на это никто не пойдет» [11, с. 192]. В целом, этот более сдержанный, прагматичный взгляд на евразийскую интеграцию имеет право на существование. Он уравновешивает порой излишне идеологизированные концепции и напоминает, что ЕАЭС должен работать на реальные экономические интересы входящих в него стран.

Следующая группа исследований [2, с. 17–21; 5, с. 2–19; 8, с. 57–70] рассматривают интеграцию в рамках ЕАЭС прежде всего через призму необходимости адаптации новых независимых государств после распада СССР к реалиям современной мировой системы. «Развитие постсоветского пространства определялось тогда двумя тенденциями: с одной стороны, происходило становление национальной государственности, а с другой – набирала силу тенденция к интеграции стран СНГ» [13, с. 42–45]. Ключевые моменты этого подхода можно выразить в следующих положениях:

1. Интеграция – это вынужденная мера для новых государств, а не идеологический выбор. После обретения независимости им требовались механизмы координации для решения общих проблем в экономике, безопасности и т.д.

2. Акцент сделан на утилитарных, прагматических аспектах сотрудничества. Интеграция позволяет бывшим республикам СССР эффективнее решать возникающие вопросы совместными усилиями.

3. Внимание концентрируется на изучении реальных институтов ЕАЭС, их потенциала и механизмов для координации экономической политики, регулирования торговли, трудовой миграции и других сфер.

4. Идеологические концепции евразийства или макроидентичности не являются первостепенными. Интеграция имеет больше прагматический, чем идейный характер.

Такой взгляд подчеркивает, что институты ЕАЭС формировались не столько из соображений общей идеологии, сколько исходя из конкретных потребностей стран региона в координации после распада СССР. Это был вынужденный, но рациональный шаг для адаптации к новым реалиям.

В этом исследовании евразийство рассматривается не просто как экономическая или прагматическая интеграция, а как попытка сконструировать новую наднациональную политическую идентичность на постсоветском пространстве. При этом ЕАЭС выступает в качестве институционального воплощения идеи евразийской идентичности.

Мы исходим из конструктивистского понимания национальных идентичностей как продуктов, целенаправленно создаваемых правящими элитами для укрепления государства и легитимации политической власти внутри страны. Указывая на важную роль экспертов и ученых в процессе формирования наций-государств в пространстве бывшей Российской империи в эпоху модерна, исследования Ф. Хирш убедительно демонстрируют, что этот процесс носил во многом искусственный и управляемый характер [15]. Нациестроительство в период модерна было во многом «спроектированным сверху» проектом

образованных элит, использующих научные методы и институты для конструирования новых национальных идентичностей. Этот опыт стоит учитывать при осмыслении современных процессов по поиску макроидентичности в Евразии.

Соответственно, формирование общеевразийской идентичности и «вписывание» ее в более глобальный контекст преследует две цели: первая – укрепить позиции отдельных стран региона на международной арене через наращивание «мягкой силы» единой евразийской идентичности; вторая – усилить внутривластную легитимность власти в этих государствах, обосновав ее более широкой евразийской идеей и идентичностью.

Таким образом, концепция евразийства и интеграционные процессы в ЕАЭС анализируются нами через призму конструирования новой макрорегиональной идентичности как инструмента внешней и внутренней политики. Это своего рода нетривиальный и весьма интересный исследовательский ракурс, позволяющий по-новому взглянуть на мотивы и цели евразийской интеграции.

Литература

1. *Апсаматова Э.Д.* Пространство современных культур и цивилизаций в поиске идентификационных оснований // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2022. Т. 1, № 11. С. 35-39.

2. *Гальцина Д.А.* Национальные особенности освещения процессов евразийской интеграции в СМИ государств-участников ЕАЭС // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1–2 (67). С. 17–21.

3. *Грачев Б.В.* Цивилизационный фактор в процессе государственного строительства стран-основательниц Евразийского экономического союза // *Juvenis Scientia*. 2019. № 11–12. С. 23–28. doi: 10.32415/jscientia.2019.11-12.06.

4. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. Москва: АСТ, 2008. 710 с.

5. *Зиядуллаев Н.С.* Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11, № 15 (300). С. 2–19.

6. *Козьменко В.М., Сагиндинов В.М.* Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси – основа их экономической безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 87–94.

7. Королев А.А. Евразийство: от идей к современной практике // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 38–52. doi: 10.17805/zpu.2015.1.4.

8. Осадчая Г.И. Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4. С. 57–70.

9. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. URL: http://www.patriotica.ru/books/panar_strategy/index.html

10. Сарсенов А.М. Правовые основы создания Евразийского экономического союза // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2016. № 4 (45). С. 148–158.

11. Токмакова М.В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 189–196.

12. Трубецкой Н.С. Общевеэразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.

13. Фаизова Р.С. Идея евразийства в политике Республики Казахстан: теория и практика // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2011. № 7. С. 42–45.

14. Яшкова Т.А. Становление и развитие современного Евразийского пространства // Коммуникология. 2018. № 2. С. 85–93.

15. Hirsh F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. London, 2005.

ЭХО ВРЕМЕНИ: ЦИФРОВОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ФОТОГРАММЕТРИЮ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Астанов А.Ф., Ашхабад (Туркменистан)

***Аннотация.** В данной научной работе исследуется применение фотограмметрии и искусственного интеллекта в археологии с акцентом на инновационные методы цифровой реконструкции исторических памятников. Работа охватывает анализ и сравнение различных программных решений и мобильных приложений, использующих алгоритмы искусственного интеллекта для создания трехмерных моделей археологических находок и архитектурных объектов. Особое внимание уделяется технологии Gaussian splat, которая позволяет улучшить качество визуализации 3D-моделей, делая их более детализированными и реалистичными. Исследование демонстрирует, как с помощью современных технологий можно воссоздать утраченные культурные ценности, такие как замок Старая Ниса и мечеть Сейитдже-малетдина, в виртуальной реальности, предоставляя новые*